

Л. Н. Корнильева (Сахновская)

Мир природы глазами Р. Саути

В поэзии Р. Саути найдётся не так много тем, которые были бы раскрыты столь же полно и многогранно, как тема природы. Однако и в этом аспекте творчество поэта изучено крайне неравномерно. Неизменной оставалась тенденция проводить чёткое разграничение между знаковыми произведениями Р. Саути и малоизвестными, изучая их по отдельности и не пытаясь искать те общие черты, которые объединяют всё литературное наследие поэта и открывают нам его как целостный организм.

Результатом подобного подхода стало то, что даже самые авторитетные исследователи жизни и творчества Р. Саути пришли к выводам, которые не подтверждаются в ходе анализа поэтического текста. Так, к примеру, в «Саути» Э. Даудена дословно сказано следующее:

“Southey's attachment to his mountain town and its lakes was of no sudden growth. He came to them as one not born under their influence; that power of hills to which Wordsworth owed fealty, had not brooded upon Southey during boyhood; the rich southern meadows, the wooded cliffs of Avon, the breezy downs had nurtured his imagination, and to these he was still bound by pieties of the heart. In the churchyard at Ashton, where lay his father and his kinsfolk the beneficent cloud of mingled love and sorrow most overshadowed his spirit. His imagination did not soar as did Wordsworth's, in naked solitudes; he did not commune with a Presence immanent in external nature; the world, as he viewed it, was an admirable habitation for mankind — a habitation with a history. Even after he had grown a mountaineer he loved a humanized landscape, one in which the gains of man's courage, toil, and endurance are apparent” [1;84].

Действительно, привычные Р. Саути и У. Уордсворту и любимые ими с детства пейзажи существенно разнятся – это данность, с которой нельзя не согласиться. Однако нельзя утверждать, что черпать вдохновение в ходе общения с дикой природой и уединяться на её лоне, было столь несвойственно Саути. Строки из «Гимна Пенатам», где поэт как раз и описал местность, в которой он вырос, убеждают нас в обратном:

<...> *As I grew*

*In years and knowledge, and the course of time
Developed the young feelings of my heart,
When most I loved in solitude to rove
Amid the woodland gloom; or where the rocks
Darkened old Avon's stream, in the ivied cave
Recluse, to sit and brood the future song,—
Yet not the less, Penates, loved I then
Your altars, [3;394]*

(Hymn to the Penates)

В произведениях поэта мы также не найдём свидетельств того, что Саути отдавал предпочтение природе, несущей на себе отпечатки жизнедеятельности человека. Вот лишь один из таких примеров:

<...> *The stream is pure
In solitude, and many a healthful herb
Bends o'er its course and drinks the vital wave:
But passing on amid the haunts of man,
It finds pollution there, and rolls from thence
A tainted tide. Seek'st thou for happiness?
Go, stranger, sojourn in the woodland cot
Of innocence, and thou shalt find her there*[3;441].

(For a Tablet on the Banks of a Stream)

Кроме того, созданный в научных работах образ Р. Саути не предполагает очень нежного и трогательного отношения поэта к растительному миру и миру животных. В этой связи чаще вспоминали Колриджа, Томпсона, Коупера, Бёрнса, как это сделал, к примеру, А. Тёрнбулл в комментариях к работе С. Т. Колриджа “*Biographia Epistolaris*”[2].

Меж тем, уважение и бережное отношение к существу низшего, в сравнении с человеком, порядка, будь то растение или животное, является очень характерным для творчества Р. Саути.

Поэтому попытка восполнить упущения, подобные вышеупомянутым, и будет целью данной публикации.

Прежде всего следует отметить, что характерной особенностью описаний природы у Р. Саути является многократно подчеркнутая поэтом мудрость Творца, создавшего всё сущее. Так, к примеру, в стихотворении «Отлив» (*The Ebb Tide*) поэт показывает, что определённый смысл заключен даже в том, как поднимается и падает уровень воды в реке Эйвон. Вода прибывает очень медленно, что едва заметно глазу, зато спад её очень резок. Сходным образом и человеческие радости медленно упрочиваются, а сойти на нет, могут разом. Похожая судьба, как пишет Р. Саути, и у королевств с древней историей, которые набирали силу и упрочивались во власти постепенно, а превращались в руину в одночасье. Поэт подчёркивает, что так же медленно, как может сначала показаться, идёт и течение жизни для человека. Потом, однако, годы пролетают очень быстро:

*Avon ! I gaze and know
The wisdom emblemed in thy varying way,
It speaks of human joys that rise so slow,
So rapidly decay.*

Kingdoms that long have stood

*And slow to strength and power attain'd at last,
Thus from the summit of high fortune's flood
Ebb to their ruin fast.*

*So tardily appears
The course of time to manhood's envied stage,
Alas ! how hurryingly the ebbing years
Then hasten to old age![3;340]*

(The Ebb Tide)

В качестве ещё одного примера можно привести строки из стихотворения «Остролист» (*The Holly Tree*), где отчётливо прослеживается, как вдумчивое созерцание окружающего мира заставляет поэта философствовать о взаимосвязи вещей в природе и её мудром устройстве. Для Р. Саути – носителя английского языка и представителя западной культуры, это растение было столь близко и знакомо, т. к. оно издавна украшало собой зимние праздники, традиционно являясь символом Рождества. Англичанами было также подмечено, что само слово «остролист» (*holly*) походит на слово «священный» (*holy*), а острия его листочков и ярко-красные ягоды напоминают терновый венец и капли крови на лбу Христа, что делает веночки из остролиста столь символичными.

Поэт прежде всего обращает внимание на цвет его листы, которая кажется не такой ярко-зелёной в сравнении с сочными красками других растений, буйствующих в весенне-летний период. Однако такими весёлыми поэту кажутся ветви этого вечнозелёного растения зимой, когда листья на других деревьях давно опали. Подобную мысль поэт выразил и в произведении «Стансы, написанные 1 декабря 1793г.» (*Stanzas Written On The First Of December, 1793*), где охарактеризовал листву остролиста именно как «весёлую» (*holly's gay green leaves*) [3;375]. В результате, Р. Саути проводит параллель между этим феноменом и восприятием его самого окружающими людьми. Серьёзность в молодые годы делала его более печальным среди беспечной толпы весёлой молодёжи, однако с годами поэт уповал на бóльшую живость своего характера, напоминающую «зелёную зиму» остролиста:

*So serious should my youth appear among
The thoughtless throng,
So would I seem amid the young and gay
More grave than they,
That in my age as cheerful I might be
As the green winter of the holly tree [3;345].*

(The Holly Tree)

При рассмотрении произрастающего остролиста от взгляда поэта не укрылся и тот факт, что нижние ветви растения отличаются от верхних тем, что листья на них очень острые и с неровной поверхностью, в отличие от гладких и

практически без заострений верхних. Это видится ему как продуманная природой естественная защита растения от возможных серьёзных повреждений, которые могли бы быть, если бы пасущийся скот мог подобраться к стволу поближе. И тут поэт обращается к теме возраста человека, желая, чтобы со временем все колкости и шероховатости его характера в молодости, напоминающие острия на листьях нижних ветвей остролиста, изменились бы со временем в сторону большей покладистости характера, который затем стал бы напоминать верхушку этого растения.

Кроме того, Р. Саути в этой связи делает ещё один вывод о себе, верно подмечая, что дома, в кругу друзей, он мягок, как верхние листья остролиста, а вне домашней обстановки, он может показаться резким и суровым. Тем самым поэт подспудно указывает на то, что во внешнем мире у человека тоже есть необходимость дистанцироваться от других и защищаться от возможных посягательств извне. Подобную мысль он выскажет и в другом своём произведении, а именно в «*Метрическом письме, написанном из Лондона*» (*Metrical Letter. Written from London*):

*...In a narrow sphere,
The little circle of domestic life,
I would be known and loved ; the world beyond
Is not for me [3;354].*

Отметим, что в своих рассуждениях о природе вещей и их взаимосвязи Р. Саути удивительно последователен. Наблюдая за природой он неизменно извлекает для себя некий урок и черпает темы для своих произведений, о чём в том же «*Остролисте*», к примеру, он говорит следующее:

*I love to view these things with curious eyes,
And moralize;
And in **the wisdom** of the holly tree
Can emblems see
Wherewith perchance to make a pleasant rhyme,
Such as may profit in the after-time[3;344].*

(The Holly Tree)

Таким образом, поэт воспринимает мудрость, которой наделена природа, будь то на примере остролиста или же полнящихся и затем резко идущих на спад вод Эйвона, упомянутых нами ранее. Везде в описаниях появляется слово “*wisdom*”. По мнению Р. Саути, подобные доказательства мудрого устройства природы Богом могут даже опровергнуть доводы атеиста:

*O READER ! hast thou ever stood to see
The holly tree ?
The eye that contemplates it well perceives*

*Its glossy leaves
Ordered by an intelligence so wise
As might confound the atheist's sophistries* [3;344].

(*The Holly Tree*)

Эту же мысль Р. Саути вложил в уста Жанны Д'Арк в одноимённой поэме. Девушка пылко доказывала, что воспринимая красоту окружающей природы невозможно сомневаться в мудрости Бога, который её сотворил, а также недопустимо усомниться в его благоволении:

*"Doubt !" the maid exclaim'd;
"It were as easy, when I gaze around
On all this fair variety of things,
Green fields and tufted woods, and the blue depth
Of heaven, and yonder glorious sun, to doubt
Creating wisdom ! when in the evening gale
I breathe the mingled odours of the spring,
And hear the wild wood melody, and hear
The populous air vocal with insect life,
To doubt God's goodness !"*[3;3]

(*Joan of Arc*)

Пристальное внимание Р. Саути к миру звуков является отличительной чертой всей его поэзии и, как следствие, с особой силой проявляется в пейзажных зарисовках. Подчёркивая исключительную важность звуков в процессе познания окружающей его природы, Р. Саути иногда даже употребляет словосочетание «задумчивое ухо» (*the musing ear*):

*THOUGH now no more the musing ear
Delights to listen to the breeze,
That lingers o'er the green wood shade,
I love thee, winter ! well*[3;374]

(*Stanzas Written On The First Of December, 1793.*)

Интересно отметить, что для поэта характерны парадоксы, когда неосквернённая громкими и пронзительными звуками природа порой воспринимается им как дикая, безудержная мелодия, а журчание небольшой реки, к примеру, настолько способно успокоить склонного к созерцанию человека, что становится для его души тишиной:

*When the low gales of evening moan along,
I love with thee to feel the calm cool breeze,
And roam the pathless forest wilds among
Listening the mellow murmur of the trees
Full-foliaged, as they lift their arms on high*

And wave their shadowy heads in wildest melody [3;384].

(To Contemplation)

<...> or laid me down

Beside the rivulet, whose murmuring

Was silence to my soul, ...[3;33].

(Joan of Arc)

Порой «жаждущее ухо странника» может утолить шум невидимых глазу вешних вод, которые воспринимаются человеком даже как нечто большее, чем просто мелодия:

Nor void of beauties now the spring,

Whose waters hid from summer sun

Have soothed the thirsty pilgrim's ear

With more than melody [3;375].

(Stanzas Written On The First Of December, 1793)

По мнению поэта, процессу обретения внутренней свободы при общении с миром природы не помешают лишь угодные *Тишине* звуки – звук пролетающего ветра и тихое бормотание вод:

" Lonely the forest spring: a rocky hill //Rises beside it, and an aged yew//Bursts from the rifted crag that overbrows//The waters; cavern'd there, unseen and slow//And silently they well. The adder's tongue, //Rich with the wrinkleless of its glossy glen, //Hangs down its long lank leaves, whose wavy dip //Just breaks the tranquil surface. Ancient woods //Bosom the quiet beauties of the place, //Nor ever sound profanes it, save such sounds //As Silence loves to hear, the passing wind, //Or the low murmuring of the scarce-heard stream. // " A blessed spot ! oh, how my soul enjoy`d //Its holy quietness, with what delight, //Escaping humankind, I hastened there //To solitude and freedom ! [3;13-14]

(Joan of Arc)

В этой связи следует отметить, что картины природы, несущие опасность, Р. Саути создаёт комбинируя громкий звук, который часто характеризуется, как вой, с отсутствием света и преобладанием тьмы:

When the blast moans along the darksome aisle,

And clattering patters all around

The midnight shower with dreary sound [3;385].

(To Contemplation)

Или же:

On some old sepulchre's moss-cankered seat

Beneath the abbey's ivied wall

*That trembles o'er its shade;
Where wrapt in midnight gloom, alone,
Thou lovest to lie and hear
The roar of waters near,
And listen to the deep dull groan
Of some perturbed sprite
Borne fitful on the heavy gales of night. [3;386]*

(To Horror)

Таким образом, вышеприведенные примеры подтверждают тот факт, что мир природы для Р. Саути это не только совокупность живописных пейзажей, но и многообразный мир звуков, который по важности никогда не уступает визуально воспринимаемым образам. Источники звуков по своему происхождению очень разнообразны, что можно наблюдать даже на примере одного, отдельно взятого произведения. Так, к примеру, в стихотворении «Возвращение путешественника» (*The Traveller's Return*) поэт выделяет целый ряд волнующих душу путешественника звуков, поднимая при этом на особую высоту лишь голос любви:

*SWEET to the morning traveler
The sky-lark's early song.
<...>
And when beneath the unclouded sun
Full wearily toil he,
The flowing water makes to him
A pleasant melody [3;371].
(The Traveller's Return)*

*And when the evening light decays
And all is calm around,
There is sweet music to his ear
In the distant sheep-bells' sound.
But oh ! of all delightful sounds
Of evening or of morn,
The sweetest is the voice of love,
That welcomes his return [3;372].
(The Traveller's Return)*

Кроме того, анализ произведений Р. Саути даёт основания говорить о том, что звуки природы, как и её красота, призваны вызывать у человека благоговейный трепет. Вот как об этом говорит поэт устами Орлеанской девы:

*<...> True it is
That for long time I have not heard the sound
Of mass high-chanted, nor with trembling lips
Partook the mystic wafer: yet the bird
That to the matin ray prelusive pour'd
His joyous song, methought did warble forth
Sweeter thanksgiving to religion's ear
In his wild melody of happiness,*

*Than ever rung along the high-arched roofs
Of man*[3;34-35].

(Joan of Arc)

Развивая в «Жанне Д`арк» тему важности мира звуков природы для приближения к Богу и осмысления его воли, Р. Саути приводит пример того, что можно даже услышать волю Всевышнего в грозе:

*Before the walls of Chartres quell'd the pride//Of the third Edward, when the
heavy hail//Smote down his soldiers, and **the conqueror heard//God in the tempest,**
and remembered him//Of the widows he had made, and, in the name//Of blessed
Mary, vowed the vow of peace* [3;72].

(Joan of Arc)

Таким образом, не будет преувеличением сказать, что Р. Саути довольно часто, так же, как, к примеру, С. Т. Кольридж видел в самой природе воплощение божественного начала. Ещё одним подтверждением того, что в природе человек может найти свою религию, служат следующие слова Жанны Д`Арк:

*Methinks it is not strange, then, that I fled//The house of prayer, and made the
lonely grove//My temple, at the foot of some old oak//Watching the little tribes that
had their world//Within its mossy bark; or laid me down//Beside the rivulet, whose
murmuring//Was silence to my soul, and mark'd the swarm//Whose light-edged
shadows on the bedded sand//Mirror'd their mazy sports; the insect hum,//The flow of
waters, and the song of birds//Making most holy music to mine ear://**Oh! Was it
strange, if for such things as these,//Such deep devoutness, such intense delight//Of
quiet adoration, I forsook// The house of worship?***[3;33]

(Joan of Arc)

И, как бы предвосхищая возражения потенциальных оппонентов подобной теории среди читателей, Р. Саути вкладывает в уста священника и возможные контраргументы, лейтмотивом которых есть то, что религии не может научить природа. Однако Жанна остаётся при своём мнении, ставя знак равенства между такими понятиями, как «природа» и «благоволение», «любовь», «красота»:

*...Ye have told me, sirs,//That Nature only teaches man to sin!//<...> **No, fathers!**
no,//It is not Nature that can teach to sin://Nature is all benevolence, all love,//All
beauty* ![3;35]

(Joan of Arc)

Изучение поэтических произведений поэта также позволяет сделать вывод о том, что уединение на лоне природы традиционно воспринимается Р. Саути, как наивысшее благо для любого человека. Результатом подобного общения с миром природы поэт неизменно видит обретение душевного равновесия и успокоения:

<...> *I have laid me down*
Beside yon valley stream, that up the ascent
Scarce sends the sound of waters now, and watch'd
The tide roll glittering to the noon-tide sun,
And listened to its ceaseless murmuring,
Till all was hush'd and tranquil in my soul,
 <...>

Here in solitude
My soul was nurs'd amid the loveliest scenes
Of unpolluted nature [3;6-7].

(Joan Of Arc)

Или же:

And sleeps along the dale the silent breeze.
Calm contemplation, 'tis thy favourite hour !
Come tranquillizing power ! [3;384]

(To Contemplation)

В своей лирике Р. Саути подчёркивает неправомерность того, что человек порой отдаляется от природы или же, того хуже, наносит ей вред. Личность, по мнению поэта, представляет интерес только тогда, когда человек тесно связан именно с природой, а не с городом, которому Р. Саути даёт далеко не лестную оценку в контрасте с сельской местностью и никогда святостью не наделяет:

*RICHARD, the lot which fate to thee has given, // Almost excites my envy. This green field // Sweet solace to the wearied mind must yield; // And yonder wide circumference of heaven, // At morn or when the day-star rides on high, // Or when the calm and mellowed light of even // Softens the glory of the western sky, // Spreads only varied beauties to thine eye. // <...> // Richard, the lot which fate to thee has given, // I not unenvying shall recall to mind, // In that **foul town**, by other fate confined, // Where never running brook, nor verdant field, // Nor yonder wide circumference of heaven, // Sweet solace to the wearied soul can yield [3;360].*

(To A Friend Settled In The Country).

При этом следует особо подчеркнуть, что для Р. Саути характерно не столько отторжение городского пейзажа как такового, сколько абсолютное неприятие мест большого скопления людей:

*<...>, and the rapt soul
From the foul haunts of herded human-kind
Flies far away with spirit speed, and tastes
The untainted air, that with the lively hue
Of health and happiness illumes the cheek
Of mountain liberty [3;381].*

(On A Landscape Of Gaspar Poussin)

Изучение лирики Р. Саути даёт основания усомниться в правильности растиражированного представления о поэте, как о певце мрачного, беспокойного пейзажа. Умиротворяющие человека пейзажные зарисовки являются неотъемлемой частью огромного количества произведений из его литературного наследия. В качестве примера можно привести отрывок из стихотворения «К созерцанию» (*To Contemplation*), где перед мысленным взором читателя предстаёт серебристый извилистый ручеёк, протекающий по тихой долине, слышно, как вздыхает ветер на фиалковом берегу, и мягкие, приглушённые звуки заставляют самого поэта думать и вслушиваться. От его внимания не укрывается звук полёта несколько сонного жука, серебрящаяся лунная дорожка, которую оставляет ползущая улитка и свет сидящего в траве жука-светлячка, столь хорошо заметный ночью:

*Or lead me where amid the tranquil vale
The broken stream flows on in silver light,
And I will linger where the gale
O'er the bank of violets sighs.
Listening to hear its softened sounds arise;
And hearken the dull beetle's drowsy flight:
And watch the horn-eyed snail
Creep o'er his long moon-glittering trail.
And mark where, radiant through the night,
Moves in the grass-green hedge the glow-worm's living light[3;384].*

(To Contemplation)

Как видно уже из этого отрывка, источники света в поэзии Р. Саути очень многообразны, однако центральным, всё же, является мотив солнца, т. к. именно оно даёт свет, жизненно необходимый всему живому. Устами своих героев Р. Саути буквально создаёт гимны этой дневной звезде:

*Oh Thou, who mountest so triumphantly
In yonder heaven, beginning thy career
Of glory, Oh thou blessed Sun ![3;210]*

(The Convicts Of New South Wales)

Поэт указывает на то, что любой пейзаж, будь то равнинный, гористый или морской, выглядит гораздо краше и лучше в лучах солнца:

<...> *These fading leaves
That with their rich variety of hues
Make **yonder forest in the slanting sun**
So beautiful, ...[3;372]*

(Autumn)

*The green moss shines with icy glare;
The long grass bends its spear-like form;
And lovely is the silvery scene*

When faint the sun-beams smile
[3;375].

(Stanzas Written On The First Of
December, 1793)

*Fair spreads the vale below : I see the stream
Stream radiant on beneath the noontide sky.
A passing cloud darkens the bordering steep,
Where the town-spires behind the castle towers
Rise graceful ; brown the mountain in its shade,
Whose circling grandeur, part by mists
concealed,*

*Part with **white rocks resplendent in the sun, ...***
[3;382]

(On A Landscape Of Gaspar Poussin)

How the sea

*Far distant glitters as the sun-beams smile
And gaily wanton o'er its heaving breast!*
[3;401]

(Sappho)

По мере усиления интенсивности света, подчёркивается всё большая радость от восприятия окружающего мира, т. к. солнце часто «проявляет» объекты, ранее неразличимые, являя взору новые красоты:

*But seest thou, William, where the mists
Sweep o'er the southern sky.
The dim effulgence of the sun
That lights them as they fly ?*

<...>

*Then shall we see across the vale
The village spire so white,
And the grey wood and meadow green
Shall live again in light*[3;389].

(The Morning Mist)

В этой связи следует также отметить, что в огромном поэтическом наследии Р. Саути единичны случаи, когда солнце не получает однозначно позитивную оценку. Так, к примеру, бывает настолько холодно, что даже заходящее за облака бледное светило выглядит холодным:

<...> *The evening wind already
Makes one's teeth chatter, **and the very sun,**
Setting so pale behind those thin white clouds,*

Looks cold. 'Twill be a bitter night![3;232]

(*The Sailor`s Mother*)

Иногда личная трагедия не позволяет человеку увидеть приветливое солнышко именно таковым и порадоваться погожему дню:

*" Lorraine was call'd to arms, and with her youth
Went Arnaud to the war. **The morn was fair,
Bright shone the sun, the birds sung cheerily,
And all the fields look'd lovely in the spring;
But to Domremi wretched was that day,
For there was lamentation, and the voice
Of anguish, and the deeper agony
That spake not** [3;7].*

(*Joan of Arc*)

Ещё реже поэт описывает палящее солнце, которое обжигает кожу, и тогда, как в «*Стихотворениях о работорговле*» (*Poems On The Slave Trade*), оно характеризуется им как «*лютное*» (*He groans not, though awaked by that fierce sun, //New torturers live to drink their parent blood!*)[3;204].

В отношении солнца Р. Саути часто использует выражение *orb of day*, обязательно указывая на медленный, неторопливый характер его восхода и захода, а также акцентируя внимание на величии этого небесного светила:

*AND now, beneath the horizon westering slow,
Had sunk the orb of day :[3;15].*

(*Joan of Arc*)

*Anon, slow-rising, comes the **orb of day,**
Slow fade the shadowy mists and roll away,
The prospect opens on the traveller's sight,
And hills, and vales, and woods reflect the living
light*[3;141].

(*The Retrospect*)

*Why art thou silent ? Wherefore sleeps thy lay
For faintly fades the sinking orb of day,
And yet thy music charms no more the grove
[3;162].*

(*To the Nightingale*)

*Soon shall that **glorious orb of day**
In all his strength arise,
And roll along his azure way,
Through clear and cloudless
skies*[3;389].

(*The Morning Mist*)

*RASH painter ! canst thou give **the orb of
day***

*In all his noontide **glory?** [3;447].*

(*To A Painter Attempting Delia's
Portrait*)

*For hopeless sorrow hails the lapse of
time,*

*Rejoicing when the fading orb of day
Is sunk again in night,*

That one day more is gone[3;377].

(*Stanzas Writ Ten On The First Of
January, 1794*)

При этом следует особо подчеркнуть, что для Р. Саути характерно любование не только дневным, но и вечерним пейзажем, наблюдаемым на закате солнца, что, однако, не делает природу мрачнее, а наоборот, сообщает человеку меланхолическое ощущение красоты:

*And yonder wide circumference of heaven,
At morn or when the day-star rides on high,
Or when the calm and mellowed light of even
Softens the glory of the western sky,
Spreads only varied beauties to thine eye[3;360].*
(To A Friend Settled In The Country)

Или же:

*Delightful sure it is at early morning
To see the sun-beam shine on scenes so fair,
And when the eve the mountain heights adorning
Sinks slow, empurpling the luxurious air[3;363-364].*
(To A Friend Expressing A Wish To Travel)

Так же, как и свет солнца, который украшает пейзаж днём, Р. Саути восхищает и лунный свет, делающий краше пейзаж ночной:

*For lo! the moon with softer radiance gleams,
And lovelier heave the billows in her beams[3;384].*
(To Contemplation)

По аналогии с «диском дневным» Р. Саути в своих произведениях порой упоминает и «диск ночной», мягко роняющий свет на ночные картины:

*Or on the half-demolished tomb,
Whose warning texts anticipate my doom,
Mark the clear orb of night
Cast through the storying glass a faintly-varied light[3;385].*
(To Contemplation)

Ночные прогулки летом, при неярком свете луны, воспринимаются поэтом, как романтические и не предвещающие опасности. Снова подчёркивается необходимость бежать прочь от скопления людей и найти счастье в уединении:

*But sweeter 'tis to wander wild
By melancholy dreams beguiled,
While the summer moon's pale ray
Faintly guides me on my way
To the lone romantic glen
Far from all the haunts of men,*

*Where no noise of uproar rude
Breaks the calm of solitude*[3;385].

(To Contemplation)

Характерной особенностью пейзажных зарисовок Р. Саути является то, что он не боится периода, когда природа находится в зимней спячке– «зимней могиле», всегда видя в этом предвестие весны и пробуждение:

*Reflection, too, may love the hour
When nature, hid in winter's grave,
No more expands the bursting bud,
Or bids the flowret bloom.*

*For nature soon in spring's best charms
Shall rise revived from winter's grave,
Again expand the bursting bud,
And bid the flowret bloom*[3;375].

(Stanzas Written On The First Of December, 1793.)

По собственному признанию поэта, такое отношение к природе сформировалось у него ещё с детства. Будучи ребёнком, он видел в осенней поре с её падающей с деревьев листвой приятный знак приближающегося Рождества:

*<...>I call to mind
The school-boy days, when in the falling leaves
I saw with eager hope the pleasant sign
Of coming Christmas, ...* [3;372]

(Autumn)

Хотя при этом Р. Саути признаёт, что подобное восприятие вовсе не является характерным для большинства людей, которые склонны усматривать в красотах осени увядание и грядущее забвение зимы, подобное забвению, венчающему жизненный путь каждого человека:

*To you the beauties of the autumnal year
Make mournful emblems, and you think of man
Doom'd to the grave's long winter, spirit-broke,
Bending beneath the burthen of his years,
Sense-dull`d and fretful, " full of aches and pains "*[3;372].

(Autumn)

Среди других особенностей описаний природы у Р. Саути следует назвать частое обращение поэта к лапидарным изображениям, которые наилучшим образом подчёркивают суть изображаемого:

<...> *On the sunny brow
Of a fair hill, wood-circled, stood his home;
A pleasant dwelling, whence the ample ken
Gazed o'er subjected distance, and surveyed
Streams, hills, and forests, fair variety!* [3;98]

(Joan of Arc)

*Или же:
Trees, mountains, castles, ships, sun, moon, and stars—
Splendid confusion!* [3;30].

(Joan of Arc)

Уже в своих ранних произведениях Р. Саути обращается и к природным образам-символам, которые впоследствии прочно закрепятся в его творчестве. Среди них и говорливый ручеек, который часто воспринимается только лишь посредством слуха, в отсутствие визуальной картинки; и образ дуба, разнопланово рассмотренный в лирике поэта; бесшумно текущие воды, которые не представляют опасности для человека; горы, долины и леса, как органичные составляющие привычного поэту пейзажа и т. д. Остановимся, к примеру, на образе дуба, к которому часто поэт обращался даже в рамках одного произведения. Так, в «Жанне Д'Арк» подобных примеров сразу несколько:

*With most delightful wonder I have heard//Tales of the Elfin tribe that on its
banks//Hold midnight revelry. **An ancient oak**,//The goodliest of the forest, grows
beside;//Alone it stands, upon a green grass plat,//By the woods bounded like some
little isle.//It ever hath been deem'd their favourite tree;//They love to lie and rock
upon its leaves.//And bask them in the moonshine* [3;13].

*Methinks it is not strange, then, that I fled//The house of prayer, and made the
lonely grove//My temple, **at the foot of some old oak***[3;33].

*As o'er some flowery field the busy bees//Pour their deep music, pleasant melody
To the tired traveller, **under some old oak**//Stretch'd in the chequer'd shade ;
[3;39]*

*Then he would sit//**Beneath the coetaneous oak**, whilst round,//Sons, grandsons,
and their offspring join'd to form//The blameless merriment; and learnt of him*[3;86].

Как видно из вышеприведённых отрывков, поэт подчёркивает особое удовольствие, которое испытывает человек, сидя под массивной кроной дуба и всегда обращает внимание читателя на почтенный возраст большого и красивого дерева, по легенде столь любимого эльфами. Для этого он

использует либо прилагательные “old” и “ancient”, либо, как в последнем примере, изображает пожилого человека, сидящего в окружении многочисленных потомков под столь же старым, как и он сам, дубом. Для Р. Саути также характерно восхищение выносливостью и мощью этого растения, которое не способно сломить даже сильный ветер и бури, что, в свою очередь, может стать примером стойкости и для человека:

*And what, my friend, is life ?//What but the many-weather'd April day!//Now darkly dimm'd by clouds of strife,//Now glowing in propitious fortune's ray;//Let the reed yielding bend its weakly form,//For, firm in rooted strength, **the oak** defies the storm[3;165].*

(To Lycon)

Именно это, в свою очередь, и обуславливает авторские обращения к данному растительному образу-символу в сравнениях личностных качеств отдельных людей с силой большого, хорошо укоренившегося дуба:

*With Talbot's giant force//The daring herald urged unequal fight;//For like **some oak** that firm with deep-fix'd roots//Mocks at the storm, the undaunted earl endur'd//His rude assault.[3;90].*

(Joan of Arc)

*The chieftain stood// **Like the strong oak**, amid the tempest's rage,//That stands unharm'd, and while the forest falls,//Uprooted round, lifts its high head aloft,//And nods majestic to the warring wind[3;128].*

(Joan of Arc)

Иногда этот простой и понятный читателю образ используется поэтом для того, чтобы объяснить какую-нибудь истину, как, к примеру, то, что даже к процессу созерцания следует относиться крайне вдумчиво. В стихотворении «Дуб наших предков» (*The Oak of Our Fathers*) Р. Саути указывает на то, что зелёное растение, которое видно издалека и радует глаз путешественника, это не тот старый дуб, который составлял славу и гордость леса, а плющ, который и уничтожил некогда очень красивое и мощное дерево:

*What the travellers at distance green-flourishing see,
Are the leaves of the ivy that ruined the tree.*

*Alas for **the oak of our fathers** that stood
In its beauty, the glory and pride of the wood! [3;367]*

(The Oak of Our Fathers)

Р. Саути создал образ дуба, тесно обвитого плющом, и в стихотворении «Стансы, написанные 1 декабря 1793 г.» (*Stanzas Written On The First Of December, 1793*):

*And mark the clustered berries bright
Amid the holly's gay green leaves;
The ivy round **the leafless oak**
That clasps its foliage close*[3;375].

В этом произведении дерево ещё не отдало все свои соки растению-паразиту, как это описывается в «Дубе наших отцов», а причиной отсутствия листьев на нём является зимний период времени. Однако читателю, тем не менее, понятен грядущий исход подобного соседства. Поэтому робкая добродетель, которая подобно плющу на дубе цепляется за более прочный остов религии и так переживает тяжёлые времена, контекстуально не получает позитивную оценку:

*So virtue diffident of strength
Clings to religion's firmer aid,
And by religion's aid upheld
Endures calamity* [3;375].

(*Stanzas Written On The First Of December, 1793.*)

Следует также отметить, что сильное тяготение Р. Саути к естественной, ничем не приукрашенной и не взлелеянной человеческим трудом среде обитания находит своё выражение в многочисленных красочных сравнениях, персонификациях, метафорах и других стилистических приёмах художественного описания. Так, к примеру, тёмное и низко пролетающее по небу облако Р. Саути в «Жанне Д'Арк» называет «недра/лоно бурь» (*the womb of tempests*). Люди, встретившиеся на поле брани сравниваются с «двумя противоборствующими облаками, несущими в своём чреве грозу» (*Like two conflicting clouds, // Pregnant with thunder, rushed the hostile hosts*). Облака у Р. Саути способны также пить благодатный луч солнца (*Morning came: dim through the shade // The first rays glimmer; soon the brightening clouds // Drink the rich beam, and o'er the landscape spread // The dewy light*). В одном из своих посвящений поэт рассказывает читателю о том, что когда сердцем он был одинок и труден был его путь, он утешался тем, что срывал «дикорастущие и незамысловатые цветы Поэзии»:

*Lonely my heart, and rugged was my way,
Yet often plucked I, as I passed along,
The wild and simple flowers of Poesy;*

(*Dedicatory Sonnet To His Wife*)

В своём стихотворении «Взгляд в прошлое» (*The Retrospect*) поэт говорит о «долине лет» (преклонном возрасте) и «тучах умственной темноты»:

*As on I journey through **the vale of years**,
By hopes enlivened or deprest by fears,
Allow me, Memory, in thy treasured store
To view the days that will return no more.
And yes ! before thine intellectual ray,
The clouds of mental darkness melt away![3;141]*

(*The Retrospect*)

«Поток лет» (*stream of years*) появляется в «Жанне Д`Арк» а также в «Стансах, написанных 1 января 1794г.»:

*Calm flow'd the unruffled **stream of years**
along,
Till o'er the peaceful rustic's head, grew grey
The hairs in full of time [3;86].*

(*Joan of Arc*)

<...>

*That swift **the stream of years**
Rolls to eternity ? [3;376]*

(*Stanzas Written*

On The First Of January, 1794)

Рассуждая в поэме «Жанна Д`арк» о силе власти, Р. Саути называет её неплодоносящим деревом, которое источает смертоносную росу, убивающую всё разнотравье под своими ядовитыми сучьями:

*Does **Power, a barren, death-dew-dropping tree.**
Blast ev'ry herb beneath its baleful boughs!*[3;52]

(*Joan of Arc*)

В стихотворении «Написанном из Лондона» Р. Саути употребляет эпитет «грибные» по отношению к чувствам, указывая на отсутствие всякой основы в их появлении и развитии:

*Mine are no **mushroom feelings** which spring up
At once without a seed and take no root,
Wiseliest distrusted [3;354].*

(*Written from London*)

В поэзии Р. Саути довольно распространённым является и приём сравнения. В «Жанне Д`Арк», к примеру, английский король сравнивается с опустошающей бурей:

<...> *In battle bold,
Savage in conquest, their victorious king
Swept **like the desolating tempest** round [3;19].*

(*Joan of Arc*)

В «Похоронах солдата» (*The Soldier`s Funeral*) Р. Саути сравнивает уход одного безвестного человека с сухим листком, который совершенно незаметно бывает сметён с дерева летом:

<...>, *he is gone,*
Dropt from existence, like the withered leaf
That from the summer tree is swept away.
Its loss unseen [3;358].

(*The Soldier`s Funeral*)

Слёзы молодых людей поэт уподобляет апрельским ливням, которые внезапно начинаются и столь же внезапно заканчиваются:

Like April showers the tears of youth descend,
Sudden they fall, and suddenly they end;[3;142]

(*The Retrospect*)

Рассматривая миниатюру с собственным изображением, которая была написана, когда будущему поэту было только два года, Р. Саути сравнивает свои брови с гладью озера, которую не тревожит даже самый лёгкий ветерок:

And I was once like this ! that glowing cheek
*Was mine, those pleasure-sparkling eyes ; **that brow***
Smooth as the level lake, when not a breeze
Dies o'er the sleeping surface ![3;378]

(*On My Own Miniature Picture, Taken At Two Tears Of Age*)

Следует также отметить, что Р. Саути свойственно проводить параллели между жизнью представителей мира животных и человека:

For spider, thou art like the poet poor,
Whom thou hast help'd in song.
Both busily our needful food to win,
We work, as nature taught, with ceaseless pains,
Thy bowels thou dost spin,
I spin my brains[3;357].

(*To a Spider*)

С разных позиций рассматривая точки их соприкосновения, для поэта характерно рассуждать на одну и ту же тему сразу в нескольких своих произведениях, выбирая сходные художественные средства для воплощения своего замысла.

В стихотворении «Свинья» (*The Pig. A Colloquial Poem*), написанном в разговорной манере, поэт остроумно и иронично доказывает своему собеседнику по пунктам, в чём заключается очарование свиньи и указывает на

недопустимость презрительного отношения к этому животному. Так, к примеру, Р. Саути возражает против того, что свинья ужасна. Его аргументы заключаются в том, что об этом животном, как и о женщине, несправедливо судить, когда та не одета. А если вообразить свинью в наряде, с нанесёнными румянами, впечатление будет другим. По мнению Р. Саути, с симпатичными завитками, походящими на хвост этого животного, в мире людей распутная ветреница обретает себе в супруги государственного мужа и т. д. В «Оде свинье...» (*Ode To A Pig While His Nose Was Being Bored*) поэт не советует животному противиться кольцу в носу, т. к., по его мнению, не найдётся ни единой леди на всей земле, которая бы не проколола себе уши и не вставила бы туда серьги. Социализированная свинья, как пишет Р. Саути, по бартеру обменивает свои права на прелести свиначника, зерно и уход, которые может дать лишь человек. Если законы, по которым живут свиньи под защитой людей, чем-то не устраивают этих животных, можно попытаться удачи в дикой природе, в лесу, где ежечасно подстерегают различные опасности: недостаток еды, преследования охотников, ловушки, старый боров, который поедает молодняк того же вида.

Поэтому, когда свинья чувствует в своём горле лезвие ножа, единственное, что она должна испытывать — так это благодарность и преданность своему хозяину, который счёл, что её час пробил:

*And when, at last, the closing hour of life
Arrives (for pigs must die as well as man),
When in your throat you feel the long sharp knife,
And the blood trickles to the pudding pan;*

*And, when at last, the death wound yawning wide,
Fainter and fainter grows the expiring cry,
Is there no grateful joy, no loyal pride,
To think that for your master`s good you die?[3;343]*

Однако, несмотря на доступность изложения, стройность «аргументации» и правдивый характер излагаемых фактов, автор подводит читателя к тому, чтобы тот сам делал выводы об идее этого произведения, оставаясь наедине со своими собственными размышлениями о несправедливости общественного устройства, взаимоотношениях животного и человека в природе и т. д.

Очень близким этому произведению по теме, идее и манере изложения является стихотворение «Танцующий медведь...» (*The Dancing Bear. Recommended To The Advocates For The Slave Trade*), в котором поэт затрагивает всё те же волнующие его проблемы, подчёркивая недопустимость всякого рода принуждения, столь часто многими одобряемого:

<...> *And politicians say, // (Wise men who in the scale of reason give // No foolish feelings weight,) that thou art here // Far happier than thy brother bears who roam // O'er trackless snows for food ; that being born // Inferior to thy leader, unto him // Rightly belongs dominion ; that the compact // Was made between ye, when thy clumsy feet // First fell into the snare, and he gave up // His right to kill, conditioning thy life // Should thenceforth be his property :—besides, // 'Tis wholesome for thy morals to be brought // From savage climes into a civilized state, // Into the decencies of Christendom [3;392].*

(The Dancing Bear. Recommended To The Advocates For The Slave Trade)

Стихотворение Р. Саути «Лещина» начинается с просьбы, адресованной поэтом некоему Николасу, чтобы тот не срывал орех по той причине, что там содержится личинка насекомого, для которого скорлупа является собственным домом, крепостью. Поэтому, по мнению Р. Саути, не стоит совершать эту «кражу со взломом» и «убийство». Представителям флоры и фауны поэт традиционно приписывает духовную жизнь, свойственную человеку, что отличает многие его произведения. Сравним, к примеру, начало этого стихотворения, с первыми строками его «Розы»:

<i>NAY gather not that filbert, Nicholas,</i>	<i>NAY EDITH! spare the rose ;—it lives, it lives,</i>
<i>There is a maggot there,—it is his house—</i>	<i>It feels the noon-tide sun, and drinks refresh'd</i>
<i>His castle—Oh commit not burglary !</i>	<i>The dews of night ; let not thy gentle hand</i>
<i>Strip him not naked, 'tis his clothes, his shell,</i>	<i>Tear its life-strings asunder, and destroy</i>
<i>His bones, the very armour of his life.</i>	<i>The sense of being !—Why that infidel smile ?</i>
<i>And thou shalt do no murder, Nicholas!</i>	<i>Come, I will bribe thee to be merciful,</i>
<i>[3;348]</i>	<i>And thou shalt have a tale of other times,</i>
	<i>For I am skill'd in legendary lore,</i>
	<i>So thou wilt let it live [3;369].</i>

Столь трепетное отношение к природе очень характерно для Р. Саути. Показательны, к примеру, его слова, обращённые к божьей коровке и увядшему сорванному цветку, из одноимённых стихотворений:

My watchful look thy loitering saunter guards, // My ready hand thy footstep shall protect [3;390].

(To The Burnie Bee)

UNGREATEFUL he who plucked thee from thy stalk, // Poor faded flow'ret [3;162].

(The Faded Flower)

В «Лещине» Р. Саути также касается законов природы, даже если они касаются всего лишь червячка, рассуждает о естественных врагах, которыми та

его наделила. При этом неизменно, в этой же связи, возникает параллель с человеком и способом его существования:

Man also hath his dangers and his foes, // As this poor maggot hath, and when I muse // Upon the aches, anxieties, and tears, // The maggot knows not, Nicholas, methinks // It were a happy metamorphosis // To be enkernelled thus : never to hear // Of wars, and of invasions, and of plots, // Kings, Jacobines, and tax-commissioners, // To feel no motion but the wind that shook // The filbert tree, and rocked me to my rest; // And in the middle of such exquisite food // To live luxurious ! the perfection this // Of snugness ! it were to unite at once // Hermit retirement, aldermanic bliss, // And stoic independence of mankind [3;348].

Как видно из выше приведённого отрывка, размышления о природе и её устройстве снова навевают поэту размышления о вещах совсем иного порядка. Кровавые расправы якобинцев, которые ужаснули Европу, Р. Саути перечисляет в контексте того, чего ему лучше бы не знать и не слышать. Даже в период юношеского радикализма поэт далеко не всегда внутренне одобрял и принимал события, связанные с периодом после Французской буржуазной революции. Они оставили глубокий отпечаток в его душе и не были преданы забвению впоследствии. Поэтому его так называемое «отступничество» и обвинения в том, что он был по сути своей «рenegат» и «перебежчик», никак не основываются на изучении эволюции политических воззрений поэта, а являются скорее сиюминутными.

Заговоры, войны и завоевания, по свидетельству Р. Саути в той же «Лещине», также отравляют жизнь человека, что указывает на его консервативное стремление к стабильности и отсутствию каких-либо перемен в государственном устройстве.

И именно важность и серьёзность затрагиваемых проблем в произведениях с довольно отвлечёнными названиями, типа «Лещина», являются характерными для творчества Р. Саути. Так, в стихотворении «К пчеле» (*To A Bee*) поэт извлекает урок из опыта этого трудолюбивого насекомого, которое всегда с огромным рвением трудится, заготавливает мёд, но никогда не пользуется зимой плодами своего труда:

*Thou art a miser, thou busy busy bee!
Late and early at employ;
Still on thy golden stores intent,
Thy summer in heaping and hoarding is spent.
What thy winter will never enjoy;
Wise lesson this for me, thou busy busy bee!*

*Little dost thou think, thou busy busy bee!
What is the end of thy toil.*

*When the latest flowers of the ivy are gone
And all thy work for the year is done,
Thy master comes for the spoil.
Woe then for thee, thou busy busy bee![3;353]*

Этим поэт как бы заново напоминает человеку, что он не должен чрезмерно задумываться о дне грядущем и заготавливать более, чем нужно на один день. Библейская истина гласит, что Бог знает о потребностях и нуждах человека так же, как он знает о необходимости в еде даже для маленькой птички. Недаром же известное изречение гласит: «*Будет день, будет и пища*».

В стихотворении «*К науку*» Р. Саути обращает внимание читателя на то, что не стоит наносить вреда даже насекомому, что перекликается с идеей его «*Лецины*». Снова он проводит параллель между человеком и существом более низкого порядка, делая вывод о том, что если ты причинишь зло более слабому и беззащитному Божьему созданию, однажды может найтись некто, кто навредит тебе. И это в равной степени касается паука, который ест мух, и человека, который может легко справиться с пауком:

*SPIDER! thou need'st not run in fear about
To shun my curious eyes,
I wont humanely crush thy bowels out.
Lest thou should'st eat the flies,—
Nor will I roast thee with a damn'd delight
Thy strange instinctive fortitude to see,
For there is one who might
One day roast me[3;356].*

Паук, который плетёт ловушки для мух, сравнивается Р. Саути с тем, как занимается своим нечистым промыслом Сатана. Любопытно, что указывая на Сатану (*Satan, sire of lies*), поэт пользуется тем же художественным приёмом, который он избрал однажды в Жанне Д'Арк, характеризуя Бога (*The Sire of All*). Это ещё раз подтверждает, что в плане выбора тем для своих произведений и затем в подборе средств художественного описания, Р. Саути часто черпает идеи из уже созданных собственных творений.

Таким образом, подытоживая результаты исследования, следует отметить, что для Р. Саути характерно вдумчиво созерцать окружающий мир и искать общие законы природы, которые объединяют человека, растения и животных, пусть даже самого низкого порядка. Нетронутую рукой человека природу поэт наделяет особой святостью, видя в ней мудрость самого Творца. Огромное внимание в описаниях природы традиционно уделяется звуку, который не менее важен, чем визуальная картинка. У Р. Саути, признанного мастера готических картин, можно найти великое множество созданных им умиротворяющих, залитых светом и не всклокоченных бурями пейзажей, что

открывает его с совершенно новой стороны. Уединение и покой на лоне природы не представляются поэту чем-то ужасным, даже если он один созерцает пейзаж в ночное время. Напротив, по его мнению, тишина и покой наполняют человека наслаждением, поддерживают душевное равновесие. Р. Саути выделяет в изображениях пейзажа наиболее знаковые образы-символы, которые затем, как, к примеру, образ дуба, разнопланово трактуются в различных его произведениях. Описание водной стихии поэтом подчиняется одному основному правилу: если источник воды безопасен для человека и вызывает у него только приятные эмоции, он либо не виден совсем или же просматривается лишь в отдалении, но всегда отличается приглушённым звуком журчащей воды. Лапидарность изображений и многочисленные стилистические приёмы художественного описания, связанные с природными явлениями, являются отличительной чертой поэзии Р. Саути, начиная с раннего периода его творчества.

Литература

1. Dowden, E. Southey.–London: Macmillan and Co, 1879.–199p.
2. Coleridge, S.T. Biographia Epistolaris.–Vol.1.
3. Joan of Arc, Ballads, Lyrics and Minor Poems.
www.joanofarcballads00soutrich.pdf

Аннотация

Данная работа посвящена изучению мира природы, каким он предстаёт в лирике Р. Саути. Особое внимание уделяется философским размышлениям поэта о взаимосвязи всего сущего на Земле и прозорливости Творца. С максимально доступной полнотой было показано, что лапидарные изображения пейзажей, отдельные образы-символы дикой природы, а также многочисленные стилистические приёмы, основанные на природных феноменах, объединяют ранние и более поздние произведения поэта.

В работе приводятся примеры того, что уединение и молчаливое наблюдение за природными явлениями представляются поэту теми целями, к которым человеку должно стремиться для обретения внутреннего покоя и душевного равновесия. Много внимания уделено также изучению спокойного пейзажа в творчестве Р. Саути, его опыту игры со светом при изображении дневных и ночных картин. В статье приводятся примеры того, что особой святостью поэт наделяет только нетронутую рукой человека природу, избегая городской местности из-за большого скопления людей. Целью данной работы было также показать, что звуковое оформление отдельных сцен в лирике поэта несёт не меньшую смысловую нагрузку, чем визуальные образы.

Ключевые слова: природа, религия, Бог, звук, визуальный образ, уединение, спокойствие.

Анотація

Дана робота присвячена вивченню світу природи, яким він постає в ліриці Р. Сауті. Особлива увага приділяється філософським міркуванням поета про взаємозв'язок усього суцього на Землі й прозорливості Творця. З максимальною доступною повнотою було показано, що лапідарні зображення пейзажів, окремі образи-символи дикої природи, а також численні стилістичні прийоми, створені на порівнянні з природними феноменами, поєднують ранні й більш пізні твори поета.

У роботі приводяться приклади того, що самота й мовчазне спостереження за природними явищами представляються поетові тими цілями, до яких людина має прагнути задля того, щоб знайти внутрішній спокій і рівновагу. Багато уваги приділено також вивченню спокійного пейзажу у творчості Р. Сауті, його досвіду гри зі світлом при зображенні денних і нічних картин. У статті приводяться приклади того, що особливою святістю поет наділяє тільки недоторкану природу, уникаючи міської місцевості через велике скупчення людей. Метою даної роботи було також показати, що звукове оформлення окремих сцен у ліриці поета несе не менше значення навантаження, ніж візуальні образи.

Ключові слова: природа, релігія, Бог, звук, візуальний образ, самота, спокій.

Summary

The present work is dedicated to the investigation of the world of Nature as it appears in R. Southey's poetry. Close attention is given to the poet's philosophical reflections about the interdependence of everything existing on the Earth and wisdom of the Creator. Setting a goal to analyse R. Southey's verse with great fullness it is shown that lapidary descriptions of the landscape, symbolic images of wild life as well as numerous stylistic devices, based on the comparison with natural phenomena are found in all his poetry making it an integrated whole.

Numerous examples are provided in order to show that according to R. Southey calm contemplation, solitude and life in nature are the purposes that every human being must aim at in order to achieve inner harmony. Close attention is given to the tranquil landscape in R. Southey's works as well as to the role of light in his descriptions of day and night scenery. The emphasis is made on the fact that only unpolluted nature devoid of any human intrusion is sanctified by the poet, who tends to escape any possible haunts of man. The aim of the publication is also to show that sound in Southey's poetical works is of no lesser importance compared with the visual image.

Key words: nature, religion, the God, sound, visual image, solitude, quietness.

Статья рецензирована и рекомендована к печати д.ф.н., проф. Л.Г. Фризманом.